

УТРО СЕРЬЕЗНЫХ РАЗГОВОРОВ

— Папа, держись, слышишь? — прошептал Сэм. — Ты обязательно выкарабкаешься!

Аллан Фолкнер лежал на больничной койке. Неподвижно, с закрытыми глазами и с кислородной маской на лице. Он едва дышал, и вся верхняя половина туловища была облеплена электродами и зондами, которые поддерживали его жизненные функции. Вокруг мигала целая армия специальных медицинских аппаратов. Через равные промежутки времени они показывали непонятные графики и цифры, а когда какой-нибудь из параметров опасно опускался или повышался, подавали тревожный сигнал. В больнице отцу остригли волосы и сбрили бороду, и лицо его выглядело теперь пугающе худым,

впрочем, как и всё тело... Шесть месяцев в плену у Влада Цепеша — исторического прототипа графа Дракулы — превратили Аллана в хрупкую тень, и тень эту соединяла с жизнью лишь тонкая нить.

Сэмюел положил руку на исхудавшую отцовскую ладонь. Зеленая неоновая лампа, горящая над изголовьем больного, наполняла комнату каким-то замогильным свечением, и так сильно пахло дезинфицирующим средством, что кружилась голова.

— Врачи считают, что разговаривать с тобой бесполезно, но я уверен: они ошибаются. Ты ведь меня понимаешь, правда? Узнаёшь мой голос?

Никакой реакции.

Аллан не приходил в себя уже три дня. Три дня назад им с Сэмюелом удалось сбежать из замка Бран и, уйдя от своры солдат и собак, добраться до Камня. Когда Сэм приготовился совершить грандиозный прыжок из Средних веков в настоящее, Аллан предупредил, что не уверен, выдержит ли возвращение домой. Он очень ослаб, сознание едва теплилось в его истерзанном мозге. Огонь, охватывающий путешественников во время переброса между эпохами, мог оказаться для отца губительным. Собрав последние силы, Аллан рассказал сыну, зачем отправился в логово Дракулы. Он надеялся добыть там Золотой обруч —

древний браслет. Таких браслетов на свете всего два, и один из них хранился у Влада Цепеша. В сочетании с Камнем и семью монетами с отверстием браслет позволяет перемещаться между эпохами, самостоятельно выбирая место и время назначения. Аллан признался, что нарочно устроил всё таким образом, чтобы в случае, если самому ему не удастся добыть украшение, Сэмюел смог прийти на помощь и похитить браслет. Сэм повсюду находил отцовские подсказки: зашифрованное послание в букинистической лавке Фолкнера, монету с изображением черной змеи, открывающую доступ в замок Бран, и много чего еще. А дальше — увы! — Аллан попал в лапы Влада Цепеша, и, действительно, именно Сэмюелу, после бесконечных блужданий по коридорам времени, удалось спасти отца и завладеть драгоценностью — увести ее из-под носа, а точнее, из-под пышных усов правителя Валахии...

«И с чего всем дался этот Золотой обруч? — спрашивал себя Сэм. — Что в нём такого, ради чего стоит рисковать жизнью — своей и собственного сына! — и лезть в логово беспощадного Дракулы?»

«С помощью этого браслета можно спасти маму, — вот что сказал Аллан. — Слышишь, Сэм? Ты можешь ее спасти!»

Это были последние слова, которые отец успел произнести: через долю секунды огненная вспышка забросила обоих в лабиринт времени...

Сэмюел погладил отца по ужасно холодной руке.

— Не знаю, когда вернется медсестра, — сказал мальчик. — Но я рад, что можно хоть немного побыть с тобой наедине. Во-первых, я хотел сказать, что ни в чём тебя не виню. Я много думал над твоими словами... Над тем, что ты собирался сделать с Золотым обручем, и над тем, почему вынужден был держать это от меня в секрете. По-моему, ты всё сделал правильно... Если бы я не обнаружил Камень и не разобрался во всём сам, то не смог бы стать настоящим «путешественником». И вряд ли нашел бы в себе силы отправиться к тебе на помощь... Ты был прав, пап! Ты с самого начала всё верно просчитал и предвидел!

Сэм бросил взгляд на экран, на котором отображался сердечный ритм и показатели артериального давления отца, но дисплей оставался неизменным — ни один показатель не дрогнул, лампочки мигали в прежнем темпе. Аллан оставался взаперти в собственном теле — не достучаться. Но ведь однажды Сэмюел уже вытащил его из неприступной темницы! Просто нужно верить в себя и не сдаваться.

— А еще я хотел попросить у тебя прощения... За те недели, что тебя здесь не было, я успел поверить в то, что ты использовал Камень в корыстных целях: похищал старинные книги и продавал их у себя в лавке. Я знал, что дела твои идут неважно, и... Ну, я не понимал, почему ты скрывал это от меня и почему пропал вот так, никому не сказав ни слова. Я просто... просто не знал, что думать. Прости меня, теперь-то я знаю, что не имел права сомневаться в тебе.

«Бип! Бип!»

Может, это случайно совпадение, но скорость пульса Аллана немного выросла. В общем-то ерунда, 64 удара в минуту вместо 61. Но вдруг это означает, что он реагирует на слова сына?

— Папа, — позвал Сэм, сжимая отцу руку. — Ты тут? Пап, это я... Ты меня слышишь, да? Ты выкарабкаешься, обязательно! Ведь ты не можешь лежать здесь вечно! Обещаю, ты проснешься! Я так испугался, знал бы ты... Когда мы вернулись из Брана и я увидел тебя на полу рядом с Камнем, то сначала подумал... что ты умер. Ты не двигался, не дышал, и...

Сэму даже вспоминать об этом было нестерпимо. А уж тогда он пережил один из самых страшных моментов в жизни. Очнулся на полу темного подвала

книжной лавки, а рядом — безжизненное тело отца. Переброс из замка Дракулы прошел как-то особенно тяжело. Будто присутствие Золотого обруча в нише Камня, предназначенной для переноса предметов, делало путешествие во времени еще тяжелее и мучительнее. Аллан не перенес нагрузки — это ясно. Уткнувшись лицом в пол, он лежал без движения и, сколько Сэм его ни тряс, не реагировал и не подавал признаков жизни. Дыхания и пульса Сэм тоже не обнаружил — и почувствовал, как на него накатывает отчаяние. Оно сбивало с ног, как мощная морская волна. Как же помочь отцу? Ведь действовать нужно сейчас же, немедленно! Конечно, надо отвезти его к врачу. Но как? В одиночку ему не справиться...

— У тебя классные родители, — произнес Сэм, склоняясь над кроватью Аллана. — Когда я сказал им по телефону, что тебе нужна помощь, они ни о чём не стали спрашивать, сразу же приехали. Вызвали скорую. Ты их, конечно, ужасно напугал. Но, думаю, в глубине души они всегда ждали чего-то такого. Я им уже успел рассказать про Камень и про Влада Цепеша, так что они догадывались, что, вернувшись, ты будешь не в лучшем виде. В общем, они очень помогли и не выдали нашей тайны. А это в который раз доказывает, как ты им дорог, понимаешь? И мне тоже...

«66 ударов в минуту», — сообщил монитор. На два удара больше. Ведь не может это быть простым совпадением. Видимо, Аллан всё-таки осознаёт присутствие сына и, возможно, хотя бы отдаленно — смысл его слов. А значит, нужно ему сказать... Сейчас или никогда. Нужно сказать те слова, которые заставят его бороться, заставят очнуться ото сна. Слова, которые придадут ему сил и желания жить. Слова, которые Сэм последние три дня так и эдак вертел в голове.

— Я... я сделаю то, о чём ты просил, — сказал он, немного помолчав. — Вернусь в прошлое и спасу маму. Я пока не знаю, где и как найти монету, которая позволит перенестись в день аварии, но у меня есть Золотой обруч, а значит, всё получится.

Он снова ненадолго умолк и потом добавил — медленно, вкладывая в эти слова всю душу, чтобы отец наверняка его услышал:

— Клянусь, что спасу ее, пап. Ради тебя. Ради себя самого...

«Бип! Бип!» Огоньки на экране заплясали: 68, 72, 76 ударов в минуту! И дальше — 82, 86! Сэмюел в волнении следил за цифрами: он всё-таки оказался прав! Отец не впадал ни в какую кому, он был здесь, рядом, и внимательно слушал. В нём теплился огонь,

пусть пока еще слабый, но он непременно разгорится и постепенно отогреет тело! Ничего, что Сэмюел понятия не имеет, как вернуться на три года назад и спасти маму от аварии, вышвырнувшей ее с дороги и оказавшейся смертельной. Ничего, что затея эта представляется ему безумной и во многих отношениях пугающей... Если Аллан поверит в то, что в один прекрасный день сможет увидеться с Элайзой, к нему непременно вернется надежда и жажда жизни. И тогда он проснется!

88, 90 — подтверждали показатели на экране.

— Ну-ка, ну-ка! — воскликнула медсестра, входя в палату. — У нас тут какая-то активность!

Сэмюел обернулся и взволнованно сказал:

— По-моему... ему лучше, мадам. Я с ним разговаривал, и сердце билось всё быстрее и быстрее. Как будто... он меня слышит. Это ведь хороший знак, правда? Может, он скоро придет в себя?

Медсестра, молодая светловолосая девушка по имени Изабель (об этом свидетельствовал прикрепленный к блузке значок), одарила Сэма почти материнской улыбкой. За пациента из триста тринадцатой палаты переживал весь медперсонал отделения. Состояние Аллана Фолкнера считалось почти безнадежным. Видно было, что бедняга попал в страшную

передрягу и с ним ужасно обращались, а ведь не- сколько лет назад он потерял жену, как раз в тот мо- мент, когда их сыну в этой же больнице делали опе- рацию по удалению аппендикса. Да, судьба была не слишком добра к этой семье...

— Что ж, — сказала Изабель, сверившись с по- казаниями на экране, — новости просто замечатель- ные! Правда, пока придется всё же запастись тер- пением, хорошо? Твоему папе необходимо как сле- дует отдохнуть. К тому же в его состоянии иногда бывает, что сердцебиение ускоряется или замедля- ется безо всякой причины. Вот сейчас, например, смотри: ритм опять снижается.

В самом деле, цифры снова поползли вниз: 87, 85, 83... Сэмюел чуть было не сказал медсестре, что она ошибается и что Аллан определенно подал ему знак. Но интуиция подсказала: лучше промолчать. В лю- бом случае, что бы там ни думала Изабель, ему точ- но удалось установить контакт с отцом. И пускай пока силы этого контакта недостаточно, чтобы вы- тащить Аллана из комы, но, по крайней мере, теперь Сэм знает, что его старания не бессмысленны. Нужно только время.

«Я тебя не брошу, пап, — послал он отцу мыслен- ный сигнал. — Я тебя не брошу...»

Изабель мягко коснулась его плеча:

— Представляю, как тебе тяжело. А сколько сил и храбрости еще понадобится... Если захочешь поговорить, я у себя в сестринской. А сейчас там в коридоре еще два человека, которые хотят увидеться с твоим отцом. Я попросила их подождать, нужно подготовить его к осмотру. Но чуть позже они смогут его проведать.

Сэмюел кивнул и бросил прощальный взгляд на единственную личную вещь, оживлявшую прикроватную тумбочку отца, — часы с круглым циферблатом кремового цвета, которыми Аллан очень дорожил. Сэм уходил огорченный: сердцебиение снова замедлилось — меньше семидесяти ударов в минуту. Интересно, кто пришел к отцу? Вроде никто из родных сегодня к нему не собирался. Приглядевшись к силуэтам у автомата с напитками, Сэм обрадованно воскликнул:

— Миссис Тоддс! Алисия!

Вот так сюрприз!

Элен Тоддс бросилась к мальчику с распростертыми объятьями:

— Сэмюел, дорогой! Мы сразу пришли, как только стало известно, что уже разрешено посещение. Какое несчастье!

Она прижала Сэма к себе, окутав ароматом лимонно-цветочных духов. Алисия стояла у нее за спиной, не двигаясь с места. На ней были джинсы, расшитые жемчужинами, и короткая майка персикового цвета. Распущенные светлые волосы обрамляли самое прекрасное лицо на свете. Сэмюел зажмурился: красота Алисии ослепляла... Подумать только: он три года запрещал себе с ней видеться, хотя раньше они были так близки! После трагедии, случившейся с матерью, Сэмюел с головой погрузился в тоску. Ему казалось, что малейший проблеск счастья — в том числе счастья с Алисией — будет предательством по отношению к маме. Целых три года двери его сердца были заперты на все замки, три года он наблюдал за Алисией лишь издали, кусая губы и не решаясь подойти...

А потом исчез Аллан, и мир Сэма снова рухнул. Путешествуя по дорогам времени, он встретил Изер, прапрабабушку Алисии, которую чудом избавил от вынужденного брака с мерзким Клуггом, алхимиком из Брюгге. Пообщавшись с девушкой из далекого прошлого, Сэм осознал, насколько велика его любовь к Алисии и как сильно он, должно быть, заставил ее страдать, когда отвернулся так внезапно и без объяснений. Снова оказавшись в своем времени, он

попытался объяснить с ней и попросить прощения. Но задача оказалась не из легких: Алисия теперь встречалась с Джерри Пэкстоном, тупым ревнивым громилой, к тому же она была глубоко обижена на Сэма за то, что три года назад он так безжалостно выставил ее из своей жизни. У них состоялся долгий разговор, и Сэмюел почувствовал, что прежняя близость еще не полностью умерла, что она теплится где-то глубоко внутри, как бы отчаянно Алисия ни старалась это скрыть. Вот отчего сегодня девушка выглядела такой растерянной: отголоски былой нежности к Сэму (на большее он пока и не мог рассчитывать) боролись с обидой, которую она никак не могла забыть. Когда миссис Тоддс наконец выпустила Сэма из объятий, Алисия ограничилась лишь тем, что на секунду опустила веки. Намекала, что им лучше сохранять дистанцию. Сэмюел ответил тем же и остался стоять, где стоял.

— Ну, как он? — спросила миссис Тоддс.

— Всё еще в коме, — вздохнул Сэм. — Но я уверен, скоро ему станет лучше...

— Конечно, станет! — заверила мама Алисии. — Ведь он крепкий парень, наш Аллан! И... Я не хотела тревожить твою бабушку лишними расспросами, но... Что с ним всё-таки произошло?

Сэмюел посмотрел на свои ботинки. За исключением бабушки, дедушки и его двоюродной сестры Лили никому не полагалось знать о Камне. Даже Алисии. Поэтому ему пришлось придумать официальную версию, в которую поверили бы все, включая полицию, в последнее время слишком интересующуюся тем, что происходит в «Книжной лавке Фолкнера». Сэмюел терпеть не мог врать. Особенно не хотелось ему обманывать Элен, которая приютила его в трудную минуту. Не говоря уже об Алисии — с ней он сейчас вообще старался не встречаться взглядом...

— На него напала банда торгашей, — начал он. — Мы думали, он поехал за границу покупать новые антикварные книги для лавки. Но это было не так. Его похитили и держали в плену. В тот вечер, когда я ушел от вас, мне пришло голосовое сообщение с его телефона. Мужской голос сказал: «Он у себя в лавке». Я сообщил об этом бабушке и дедушке, мы поехали и нашли его там. Папа лежал у двери, почти без сознания. Только пробормотал несколько слов про какое-то редкое издание и про конкурентов... А потом отключился окончательно, и мы отвезли его в клинику.

Сэмюел замолчал и постарался придать своему лицу как можно более невинное выражение. И миссис Тоддс поверила:

— Похитили! Но чего они хотели? Выкуп?

— Полиция считает, что отец нашел какие-то очень редкие книги. Несколько дней назад в лавке уже побывали воры: взломали замок и что-то искали, — добавил Сэм, по крайней мере, тут ему врать не пришлось.

— Господи, что же в мире творится! На нашу соседку на днях тоже напали! Мисс Саррок, помнишь ее? Грабитель вломился прямо во время ужина и потребовал отдать всё содержимое шкатулки с драгоценностями! Бедная старушка! Она думала, что ее убьют!

— А не надо было разгуливать в жемчужных колье и с огромными перстнями! — фыркнула Алисия. — Вечно нарядится как рождественская елка.

— Алисия, перестань! — одернула ее мать. — А что, если злодей до сих пор ходит по кварталу? К тому же она нам всё-таки не чужая!

— Да ладно! Саррок — старая ведьма! Помнишь, как она нас с Джерри застукала, когда мы целовались на улице? Всему кварталу рассказала и чуть ли не в мэрию сообщила об этом вопиющем факте! Надеюсь, история с драгоценностями хоть чему-нибудь ее научит!

Элен махнула рукой, недовольная поведением дочери. А Сэмюел подумал, что если эта история могла

поссорить Алисию с уродом Пэкстоном, то мисс Саррок нужно поблагодарить. К счастью, он не успел высказаться на этот счет. Медсестра высунула голову из-за приоткрытой двери и сказала:

— Можете войти, но только по одному и не больше пяти минут на каждого.

— Мам, давай сначала ты, — сказала Алисия.

Миссис Тоддс вошла в палату, и Алисия с мрачным видом обернулась к Сэму.

— Мама, может, и поверила в то, что ты тут наплел, но меня-то не проведешь... Я сразу вижу, когда ты врешь, — еще с детства. Хотя бы детство у нас с тобой осталось общее...

Она грустно улыбнулась, и это ранило Сэма больше, чем любые обвинения.

— Не знаю, что произошло с Алланом на самом деле, — снова заговорила девушка, — но свою историю про похищение и телефонный звонок расскажи кому-нибудь другому. Я не верю ни в нее, ни в исследования на тему Дракулы, которые ты якобы проводил у меня в комнате, ни в странные загадки с цифрами и непонятными названиями. Ты не захотел ничего объяснить. Но я и так понимаю: ты что-то скрываешь. Что-то очень нехорошее... Что происходит, Сэм?

Сэм с трудом выдержал ее взгляд. Алисия была красива всегда — и взволнованная, и беззаботная, и когда смотрела ему прямо в глаза, и когда отворачивалась, давая понять, что он ей безразличен, и когда хохотала во весь голос, и когда морщилась с отворачиванием... Существовала тысяча разных Алисий, и Сэмюел обожал их всех. Но как доверить ей тайну, от которой зависит жизнь отца? Снова соврать? Нет, он просто не в состоянии этого сделать!

— Прости, Алисия, — прошептал он сдавленным голосом. — Если в этом мире и есть человек, которому я всё-всё хотел бы рассказать, то это ты. Но сейчас я не могу этого сделать. По крайней мере, пока отцу не станет лучше... Потом, обещаю, ты станешь первой, кто всё узнает.

Алисия с досадой вздохнула.

— Я не понимаю, Сэм. Ведь ты первым ко мне вернулся, так? Но каждый раз, когда я пытаюсь сделать шаг в твою сторону, ты отдаляешься. Словно боишься чего-то... Как тебя понять?

На секунду Сэму показалось, будто они с Алисией перенеслись на несколько лет назад. В глазах обоих промелькнуло то, что так роднило их в ту пору, но что, однако, не помешало им разлучиться. Душевная близость, объединявшая двух детей с первого дня зна-

комства, горячее желание расти вместе, тысяча часов сумасшедшего смеха, бесконечные разговоры и еще столько, столько всего... Ничем не измерить пропасть, которая теперь пролегла между ними.

Они могли бы еще долго стоять и молча вызывать в памяти призраки прошлого, но тут Элен вышла из палаты. Вид у нее был расстроенный.

— Он будто просто спит, правда? — сказала она с напускной веселостью. — Как спящая красавица! Но я уверена, он проснется!